

Смерть христианина в прозе Э.С. Стенбока

Кондраков Сергей Александрович

студент

Вятский государственный гуманитарный университет,

Киров, Россия

email: ser-off@bk.ru

Художественное сознание эпохи рубежа веков фиксирует жизнь индивида в острейших ее проявлениях (страсть, болезнь, религиозная экзальтация и пр.). В ситуации усилившегося интереса к наиболее значимым вопросам бытия особое место в эстетике и художественной практике декаданса начинает занимать проблема смерти.

Объект нашего исследования – художественная интерпретация смерти в прозаических произведениях английского писателя–декадента Эрика Станислава Стенбока (Stenbock, 1860–1895). Новеллы Стенбока, составившие сборник «Этюды о смерти» (Studies of Death, 1894), представляют собой типичный образец прозы «декадентизма» (il decadentismo) со всей свойственной ей эклектикой, характерным комплексом мотивов, сюжетных ситуаций, эмблематических деталей и образов.

Интерес писателя к проблеме смерти (вызванный не в последнюю очередь тем саморазрушающим образом жизни, который вел Стенбок) неоднократно отмечался биографами писателя и исследователями его творчества (Р.Б. Рассел [Russell], Т. д'Арч Смит и др.).

Наряду с фаталистичной одержимостью смертью, важное место в прозе писателя отводится религиозным (католическим) мотивам, что для культуры конца века является знаковой тенденцией («Западные декаденты <...> родились на почве католичества» [Бердяев: 389]).

Наиболее ярко связь христианских мотивов с мотивом смерти отразилась в новеллах «Миф о Панче», «История наплечника» и «Фауст».

Одной из востребованных форм художественной интерпретации образа смерти в литературе декаданса выступает карнавал. Карнавальное начало, освобожденное от мистики, иерархии и запретов, тяготеет к «разнообразным видам пародий и травестий, снижений, профанаций» [Бахтин: 14]; стремится к предельной десакрализации смерти. Смех в таком карнавале нивелирует ужас, делает его нелепым и абсурдным (см., например, поэзию М. Роллина с ее избыточными деталями и тяготением к фарсу).

Интерес Стенбока к карнавальной культуре носил вполне осознанный характер, о чем свидетельствует, в частности, небольшое эссе писателя, озаглавленное «Миф о Панче». В данном произведении Стенбок дает точную характеристику декаданскому карнавалу смерти. Декадансный карнавал смерти – это комизм, рожденный ужасом. «Будучи изгнаны из рая, куда нам уже не вернуться, мы смягчаем ужас и безобразие жизни нашей способностью смеяться. В минуты, когда темно и тихо, timor nocturnus <...> превращается в удушливый кошмар. Мы не смогли бы жить, если бы живо воспринимали уродство мира», – пишет Стенбок [Стенбок: 85]. Иными словами, смех, по Стенбоку, выступает единственным доступным смертному человеку средством утешения; забвения страха ночи, ужаса неизбежной смерти. Таким образом, в противоположность провозглашенному Ницше тезису о смерти Бога, Стенбок связывает человеческое мировосприятие с христианской мечтой о Потерянном рае и страданиями смертного человека, беззащитного перед ужасами мира.

Христианские мотивы получают развитие в новелле «История наплечника», целиком построенной на внезапных антитезах и неожиданных сюжетных поворотах. Таково столкновение имен христианского и языческих богов в сцене отравления Бернаром Франциска, пародийный пафос которой усиливается включением в текст искаженной цитаты из Псалтири. Затем следует развернутое изложение путешествия героя по преисподней, внезапно завершающееся появлением Богоматери и чудесным спасением Франциска. Таким образом, именно божественное вмешательство выступает тем единственным средством, которое способно положить конец дьявольскому карнавалу пирующих скелетов и инфернальных зеркал. Более того, внезапно забрезжившая надежда

на освобождение от ужасающих иллюзий (эмблематический образ «звезды морей») выступает стимулом для дальнейшей духовной эволюции героев: «беспутные повесы», поглощенные таким развратом, «ниже которого пасть уже нельзя» [Стенбок: 185], становятся к моменту окончания повествования «двумя братьями-кармелитами, которых <...> ставят в пример послушникам как настоящих аскетов» [Стенбок: 189]. Как видим, вера и раскаяние в новелле выступают средством преодоления смерти.

Смерть брата Генри (Майкла) в новелле «Фауст» связана с рядом устойчивых мотивов, восходящих к эстетике готического романа (в произведении обнаруживаются интертекстуальные связи с романами Г. Уолпола «Замок Отранто», М.Г. Льюиса «Монах», Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры дьявола»). Мотивы рукописи, тайны, портрета, а также топос монастыря, рассматриваемый в рамках поэтики закрепленных ассоциаций как носитель устойчивых метафорических смыслов [Вацуро: 86], придают фабуле новеллы мистический, оккультный характер, выводят этический конфликт между добром и злом на религиозный (христианский) уровень противостояния Бога и дьявола.

Один из центральных микросюжетов новеллы может быть обозначен как судьба и смерть художника, искупающего грех. Сущность греха при этом заключается в богоборческом по своей специфике акте создания произведения искусства, а сущность искупления – в религиозном отречении как попытке отказа от диктата субъективного «я», что для главного героя составляет основу и единственное оправдание личности (фаустианский мотив).

«Фауст» – наиболее сложная с точки зрения проблематики и поэтики новелла Стенбока. Неоднозначность авторской оценки, парадоксальность сюжетных ходов, недосказанность в изложении обстоятельств смерти брата Генри позволяют сделать вывод о сложном переплетении божественного и дьявольского там, где имеет место акт творения, то есть о принципиальной неразрешимости для автора исключительно характерной для эпохи декаданса оппозиции «этическое / эстетическое».

В целом очевидно, что в своей трактовке образа смерти Стенбок стоит на твердых христианских позициях. Декадансному карнавалу смерти как устойчивой модели интерпретации данного образа писатель противопоставляет ставший знаковым для культуры декаданса, но трактуемый по-разному образ вечности. Вечность в художественном сознании Стенбока неизменно связывается с образами Творца, Христа, Богородицы, Спасения. Вместе с тем, там, где этическая проблематика у Стенбока сталкивается с эстетической, проза писателя не демонстрирует однозначности авторской оценки, что свидетельствует о принципиальной неразрешимости оппозиции «этическое/эстетическое» в творчестве Э.С. Стенбока.

Литература

Стенбок Э. Триумф зла. Тверь, 2005.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Бердяев Н.А. Утонченная Фиваида // Гюйсманс, Ж.К. Без дна. М., 2006.

Вацуро В. Э. Готический роман в России. М., 2002.

Russell R.B. Count Stenbock: A Brief Biography // The Lost Club Journal (<http://homepages.pavilion.co.uk/users/tartarus/stenbock.htm>).